

РАЗДЕЛ I

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

СОЦИАЛЬНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Витушко Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО», профессор кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы понятия института прекращения обязательств, вопросы выполнения им социальных задач, континуальная природа данного института как явления и как процесса, соотношение оснований прекращения обязательств (гл. 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь) и юридических фактов (ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь), классификация оснований прекращения обязательств и др.

Делаются выводы, что прекращение обязательств должно осуществляться с условием неременного учета прав и законных интересов третьих лиц и всего общества. В этом, прежде всего, проявляется социальный функционализм института прекращения обязательств. Абсолютизация индивидуализма, исключая допустимость применения универсальных методологических подходов к институту прекращения обязательств, а равно абсолютизация правового универсализма, исключая допустимость применения индивидуальных подходов к институту прекращения обязательств, неестественны и непригодны для права. Единство и неразрывная связь индивидуализма и универсализма в их абсолютном и относительном проявлении в одно и то же время, но в различных измерениях при определении института прекращения обязательств охватываются комплексно-индивидуальной правовой методологией.

Отмечается континуальная, непрерывно длящаяся материально-правовая природа оснований прекращения обязательств. А в тех случаях, когда основания прекращения обязательств применяются в силу мирового соглашения в рамках судебного процесса, то их взаимная трансформация и континуальная природа имеет неразрывно

связанный материально-правовой и процессуально-правовой характер. Гражданско-правовые основания прекращения обязательств могут применяться и в других отраслях частного права, с учетом их существа и других правовых обстоятельств.

Указывается, что синонимами слов «индивидуальный», «обособленный», «субъективный» с точки зрения общенаучной методологии являются термины «дискретность», «сингулярность», «уникальность» и иная обособленность. Синонимами слов непрерывный и неразрывно связанный с точки зрения общенаучной методологии являются термины континуальный, комплексный, универсальный, единый, общий, многофункциональный, бесконечный и др.

Вносятся предложения по унификации и совершенствованию ГК Беларуси в части регулирования оснований прекращения обязательств.

The summary: the article deals with the problems of the concept of the institution of termination of obligations, the issues of fulfillment of social tasks, the continuum nature of this institution as a phenomenon and as a process, the ratio of the grounds for termination of obligations (Chapter 26 of the Civil code of the Republic of Belarus) and legal facts (article 7 of the Civil code of the Republic of Belarus), the classification of the grounds for termination of obligations, etc.

It is concluded that the termination of obligations should be subject to the indispensable consideration of the rights and legitimate interests of third parties and the whole society. This, first of all, shows the social functionalism of the institution of termination of obligations. The absolutization of the individualism that excludes the validity of the universal application of methodological approaches to the institution of termination of the obligations, as well as the absolutization of legal universalism that excludes the permissibility of the use of individual approaches to the institution of termination of the obligations is not natural and is not suitable for law. The unity and indissoluble connection of individualism and universalism in their absolute and relative manifestation at the same time, but in different dimensions, in determining the institution of termination of obligations, are covered by a complex-individual legal methodology.

The continuum, continuously lasting material and legal nature of the grounds for termination of obligations is noted. And in those cases where the grounds for termination of obligations are applied by virtue of a settlement agreement in the framework of the judicial process, their mutual transformation and the continuum nature is inextricably linked materially legal and procedural nature. Civil law grounds for termination of obligations can be applied in other branches of private law, taking into account their essence and other legal circumstances.

It is indicated that synonyms of the words individual, separate, subjective from the point of view of General scientific methodology are the terms discreteness, singularity, uniqueness and other isolation. Synonyms of words continuous and inextricably linked, from the point of view of General scientific methodology are the terms continuum, complex, universal, single, common, multi-functional, infinite, etc.

Proposals are being made to unify and improve the civil code of Belarus in terms of regulation of the grounds for termination of obligations.

Поступила в редакцию 12.11.2018.

Введение

Для современного правоведения характерно индивидуалистическое, дискретное правопонимание, основывающееся на абсолютизации разграничения отраслей права, правовых институтов и иных элементов системы права, а также гражданского права, его составных частей и субъективных прав. Но так было не всегда. Первые проявления дискретного правоведения возникли после разделения населения на сословия, классы, касты и иные группы. В рамках европейской цивилизации правовой индивидуализм получил свое идеологическое обоснование в древнегреческой философии стоиков, скептиков и эпикурейцев, которые ставили эгоистические интересы личности выше общественных интересов. Однако еще в этот период право древних европейских и смежных цивилизаций не делилось на частное и публичное, на отрасли и т. п. Право древних народов представляло собой монолитные системы. Первое формальное юридическое закрепление правовой дискретности, т. е. глобальное деление системы права на составные элементы, произошло в Древнем Риме в III в. н. э., когда Ульпиан провозгласил разделение права на публичное и частное, обособленно регулирующие соответствующие сферы публичных и частных отношений и интересов. Но и тогда правовой индивидуализм не получил еще той абсолютизации, которая произошла позже, поскольку правовых терминов «субъективное право» и «обязанность» не существовало. Изначально в истории цивилизации в доклассовом обществе и первых государственных образованиях дозволения рассматривались не иначе как в неразрывной связи с предписаниями и долженствованиями (права не отрывались от обязанностей). Это значит, что в те времена каждой личности дозволялось только такое поведение, в котором проявлялся императив ее долга перед обществом. Законодательное отпочкование дозволения от предписаний и долженствований и закрепление в законодательстве терминов «право» и «обязанность» стало продуктом изобретательской деятельности юристов только в стадии зарождения буржуазного

общества как наиболее яркой формы индивидуалистического существования личности и ее субъективных прав.

В рамках европейской цивилизации XIX в. стал веком активного развития идей социального государства и права, связывая интересы личности с интересами общества. Но к настоящему времени в силу ряда обстоятельств индивидуализм и обособленность интересов, а также правовых явлений вновь приобрели абсолютный характер в национальном праве государств и глобальных международных отношениях. Данный индивидуализм ярко проявляет себя и в институте прекращения гражданско-правовых обязательств.

Основной контент

Понятие прекращения обязательств в отечественном правоведении традиционно рассматривается односторонне, как одномоментный (сингулярный) акт. Указывается, что «прекращение обязательства означает отпадение правовой связанности его субъектов..., стороны не обязаны нести ответственность по нему, они не могут переуступить свои права и обязанности в установленном порядке третьим лицам и т. д.» [1, с. 601, 602]. Эти представления повторяются другими авторами, отмечающими, что «прекращение обязательств означает утрату прав и обязанностей их участниками... Правовая связь между субъектами прерывается, не вызывая возникновения новых или дополнительных обязанностей (по уплате неустойки, возмещению убытков и т. п.)» [2, с. 953]. Из указанных представлений следует, что участники обязательств, совершая акт их прекращения, никак не связаны с третьими лицами, обществом, их правами и законными интересами. Одномоментный, дискретный характер прекращения обязательств проявляется в приведенных высказываниях и в том, что по факту прекращения обязательств их субъекты не сохраняют и не приобретают никаких прав и в отношении один другого.

Однако указанные утверждения, что прекращение обязательств означает утрату прав и обязанностей его участниками, что правовая связь между участниками прерывается, не вызывая возникновения новых или «дополнительных» обязанностей (по уплате неустойки, возмещению «убытков» и т. п.), что стороны обязательств не могут «переуступить свои права и обязанности в установленном порядке третьим лицам» *противоречат нормам ГК*. Как можно утверждать о том, что «прекращение обязательства означает отпадение правовой связанности его субъектов», когда согласно общим положениям ГК прекращение обязательств может быть не полным, а частичным (п. 1 ст. 379 ГК Беларуси). Соответственно, некоторые правовые связи сохраняются при частичном прекращении других правовых связей.

Частичное прекращение обязательств возможно при принятии соответствующего решения государственного органа (п. 1 ст. 387 ГК Беларуси) и др. Согласно п. 3 ст. 384 ГК Беларуси при прекращении обязательств по основанию новации соглашением сторон также допускается сохранение «дополнительных» обязательств, связанных с первоначальным обязательством. Кроме того, при прекращении обязательств невозможностью их исполнения не по вине сторон каждая из сторон вправе требовать от контрагента возврата всего, что она исполнила, не получив встречного удовлетворения (п. 1 ст. 386 ГК Беларуси). А при невозможности исполнения по вине одной стороны другая вправе взыскать с виновного «убытки» (п. 2 ст. 386 ГК). Согласно ч. 2 п. 1 ст. 387 ГК Беларуси при прекращении обязательств на основании акта государственного органа стороны, понесшие в результате этого «убытки», вправе требовать их возмещения и т. д.

В случае существенного изменения обстоятельств, в сравнении с теми, которые имели место и разумно предполагались при заключении договора, допускается расторжение договора. Но в *социальных интересах* расторжение договора может по решению судебной ветви власти заменяться его изменением, которое *сохраняет правовую связанность сторон*. Такое изменение не является новацией, а преследует цели соблюдения социальных интересов либо минимизации потерь сторон договора (п. 4 ст. 421 ГК Беларуси).

Даже в тех случаях, когда в договоре предусмотрен срок его действия, *окончание данного срока не прекращает обязательств*, которые в нем предусмотрены. По общему правилу договоры действуют до момента надлежащего исполнения обязательств (ч. 2 п. 3 ст. 395 ГК Беларуси). Если должник не исполняет обязательства после истечения срока действия договора, то за ним сохраняется обязательство возместить «убытки» кредитор (п. 4 ст. 395 ГК Беларуси). Для прекращения обязательств в силу истечения срока данное основание прекращения обязательств должно быть специально предусмотрено в законодательстве или договоре (ч. 1 п. 3 ст. 395 ГК Беларуси). В таких случаях происходит прекращение всех обязательств, включая и обязательства по возмещению убытков. Обычно это имеет место в учредительных договорах со сроком их окончания, определяемым моментом достижения цели, ради которой они заключались.

Специальное законодательство предусматривает в некоторых случаях *предельные сроки действия* договоров. Так, согласно п. 1 ст. 598 ГК Беларуси договор проката действует один год. Однако истечение срока действия данного договора сохраняет обязательства по уплате арендной платы, возврату предмета проката и др.

Для отдельных договоров законодательство прямо предусматривает их *автоматическое продление по истечении срока действия, т. е. сохранение правовой связанности*, если стороны не заявят об ином. Это правило установлено п. 2 ст. 511 ГК Беларуси о договоре энергоснабжения.

Ущербность приведенных сингулярных подходов к институту прекращения обязательств сторон проистекает не только в силу их несоответствия буквальному тексту действующего ГК, который пусть и не системно, но ориентирует стороны обязательств на учет интересов третьих лиц и всего общества. Порочность приведенной позиции противоречит и общенаучной, а также правовой методологии.

С точки зрения общенаучной методологии всякое явление природы, общества и права следует рассматривать по меньшей мере двояко, *как явление, а также как процесс*. Прекращение обязательств – это не одномоментный акт творения природы или иного творца, а результат определенного процесса деятельности сторон обязательства. Рассмотрение прекращения обязательств как процесса обусловлено следующим: во-первых, прекращение обязательств как процесс проявляется в том, что любое прекращение обязательств протекает определенный период астрономического времени. Даже в том случае, если надлежащее исполнение рассматривать только как одномоментный факт передачи вещи или денег, то такая передача также всегда протекает в рамках некоторого *астрономического периода времени*. Но надо учитывать и то, что в этот период возникает неопределенное число внутренних и внешних обстоятельств, которые либо способствуют, либо препятствуют исполнению обязательств их субъектами, которым приходится преодолевать возникающие препятствия.

Во-вторых, процесс прекращения обязательств всегда включает несколько юридических фактов действий. Так, для замены существующего обязательства на отступное требуется достижение сторонами соглашения об этом. Кроме того, отступное есть реальная сделка. Значит, требуется еще факт реальной уплаты денег, передачи имущества и иного действия со стороны должника в пользу кредитора (ст. 380 ГК Беларуси). Обращаем внимание, что в данном случае речь идет об одностороннем договоре. А тогда, когда речь идет о прекращении двусторонних (синаллагматических) обязательств, тогда число действий и иных обстоятельств, необходимых для прекращения обязательств, увеличивается. Неоднородность и множественность обстоятельств, включаемых в процесс прекращения обязательств, имеет место при прекращении обязательств, как правило, по всем основаниям главы 26 ГК Беларуси и др. Это позволяет говорить, что *прекращение*

обязательств как юридический факт – это всегда юридический состав.

Для прекращения обязательства по основанию (факту) его надлежащего исполнения также требуется совершение сторонами взаимосогласованных действий. Например, при купле-продаже продавец должен передать определенный товар надлежащему покупателю в определенном месте и в определенный срок. А покупатель должен произвести платеж надлежащему продавцу и в соответствии с иными условиями договора. Если этот минимум действий не будет совершен сторонами, то не произойдет прекращение обязательств его надлежащим исполнением. Указанное означает также, что процесс прекращения обязательств нельзя отрывать от процесса их исполнения. *Возникновение, исполнение и прекращение обязательств есть единый непрерывный (континуальный) процесс.* Так, надлежащего исполнения обязательств нельзя будет достигнуть, если при заключении договора стороны не смогли предвидеть возможность расторжения договора, либо независимо от их воли государственный орган принял решение об отмене обязательств, либо субъекты обязательств решили их прекратить расторжением договора по соглашению. Кстати сказать, при прекращении обязательств по соглашению сторон неопределенность обстоятельств, влияющих на данный процесс, возрастает многократно, поскольку прекращение может осуществляться под воздействием субъективных факторов, например намерений представителей субъектов обязательств и иных уполномоченных лиц.

В-третьих, на прекращение обязательств как процесс указывает и то обстоятельство, что всякое прекращение обязательств в той или иной мере, позитивно или негативно влияет не только на интересы сторон обязательства, но и на состояние гражданского оборота, т. е. на интересы третьих лиц и всего общества [3]. В таких обязательствах правовые связи их субъектов не только не прерываются, но и юридически «обостряются» их правовые связи с третьими лицами и всем обществом.

Факт прекращения обязательств выходит за пределы сферы деятельности сторон и вызывает социальный резонанс. Этот резонанс может иметь как национальный, так и планетарный характер. Планетарный характер в рамках современной цивилизации могут приобретать процессы, связанные с осуществлением прав и свобод личности. Вопросам соблюдения прав и свобод личности в рамках отдельных государств уделяется большое внимание со стороны международных организаций и других государств. В этом и проявляется себя всепроникающее действие процесса прекращения обязательств на

права и законные интересы неопределенного числа третьих лиц и всего национального и международного сообщества.

Безусловно, относительную обособленность и индивидуальность института прекращения обязательств, а также прав и обязанностей его субъектов в рамках системы гражданского права нельзя отрицать. Она проявляется прежде всего в том, что этот институт получил формальное юридическое обособление в главе 26 ГК. Кроме того, индивидуальный характер имеют все основания прекращения обязательств, а также все субъективные права и обязанности их субъектов. Но всякое индивидуальное явление природы, общества и права одновременно включено в ту или иную систему и является составной частью системы. Так, каждая личность в обществе уникальна и индивидуальна. У каждой личности можно обнаружить индивидуальные антропологические и социально-правовые особенности. Правовая особенность каждого субъекта гражданских правоотношений проявляется в индивидуальности его субъективных прав и обязанностей. Но, будучи частичкой социальной организации, всей человеческой цивилизации, отдельного государства, корпорации и семьи, всякая личность соответствует тем или иным единым для всех лиц универсальным антропологическим и социально-правовым требованиям. Например, согласно нормам гражданского законодательства, все граждане как субъекты гражданских правоотношений имеют равную (универсальную) гражданскую правоспособность (п. 1 ст. 16 ГК Беларуси). Таким образом, *индивидуализм и универсализм гражданско-правовых институтов, прав и обязанностей – неразрывно связанные явления.*

Абсолютизация индивидуализма, исключая допустимость применения универсальных методологических подходов к правовым явлениям, включая институт прекращения обязательств, а равно абсолютизация правового универсализма, исключая допустимость применения индивидуальных подходов к правовым явлениям и институту прекращения обязательств, неестественны и *непригодны для права.* Единство и неразрывная связь индивидуализма и универсализма в их абсолютном и относительном проявлении в одно и то же время, но в различных измерениях при определении правовых институтов, включая институт прекращения обязательств, охватываются *комплексно-индивидуальной правовой методологией* [4; 5].

Синонимами слов «индивидуальный», «обособленный», «субъективный» с точки зрения общенаучной методологии являются термины «*дискретность*», «*сингулярность*», «*уникальность*» и иная обособленность. Синонимами слов «непрерывный» и «неразрывно

связанный» с точки зрения общенаучной методологии являются термины «*континуальный*», «*комплексный*», «*универсальный*», «*единый*», «*общий*», «*многофункциональный*», «*бесконечный*» и др.

Осуществление гражданских прав и обязанностей в современном гражданском обороте есть процесс неразрывной связи прав и обязанностей, а также процесс связи неопределенного числа субъектов разнородных гражданских правоотношений [6]. Поэтому прекращение обязательств должно осуществляться с условием не переменного учета прав и законных интересов третьих лиц и всего общества. Тем самым современное гражданское право и его институты решают важные *социальные задачи*. Социальный характер института прекращения обязательств проявляется в том, что все основания прекращения обязательств предполагают учет интересов третьих лиц, возможность преобразования (трансформации) одних обязательств в другие, переход обязательств от одних должников к другим и иную *непрерывность (континуальность)* их развития до полного и надлежащего исполнения.

Ориентация на учет прав и законных интересов третьих лиц при прекращении обязательств, а не только учет индивидуальных интересов субъектов обязательств как проявление *социального права* имеет место при прощении долга (ст. 385 ГК Беларуси). Прощение долга есть вынужденная мера для кредитора, а не акт дарения должнику. Оно не должно ущемлять прав и законных интересов третьих лиц и общества, включая государство, его фискальные интересы.

Переход обязательств от одного лица к другому как способ прекращения обязательств наиболее отчетливо отражает непрерывность развития обязательств. Он имеет место при зачете встречных требований (ст. 353, 382 ГК Беларуси), при совпадении должника и кредитора в одном лице (ст. 383 ГК Беларуси), в случае смерти гражданина (ст. 388 ГК Беларуси), при ликвидации юридического лица (ст. 389 ГК Беларуси).

Смерть гражданина прекращает обязательство только в случаях, когда оно носит сугубо личный характер (ст. 1039 ГК Беларуси). Это имеет место в редких случаях, например по алиментным обязательствам, в авторских договорах, когда должником является известный широкий круг автор. А по всем обязательствам имущественного характера предполагается их передача наследникам. Кредиторы наследодателя имеют право на компенсацию своих имущественных потерь даже в случаях, когда наследников нет и наследство становится выморочным (ст. 1039 ГК Беларуси).

Ликвидация юридических лиц также допускает переход отдельных имущественных обязательств другим лицам, например вышестоящим организациям, органам социального обеспечения по обязательствам о выплате платежей по возмещению вреда, связанного с повреждением здоровья (п. 2 ст. 962 ГК Беларуси). Возложение субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц на лиц, ответственных за наступление банкротства юридического лица, также влечет перемену должников и непрерывность процесса исполнения (развития) обязательств (ч. 2 п. 3 ст. 52 ГК Беларуси и др.).

Социальная природа и континуальность института прекращения обязательств проявляет себя и в случаях частичного прекращения обязательств (ст. 378 ГК Беларуси), а также при новации (ст. 384 ГК Беларуси), при принятии акта государственным органом (п. 1 ст. 387 ГК Беларуси), когда за участниками обязательства *сохраняются некоторые права и обязанности* и после прекращения обязательств.

Трансформация обязательств также указывает на их непрерывность до наиболее полного исполнения и завершения. Трансформация обязательств имеет место при отступном (ст. 380 ГК Беларуси), при зачете встречных требований (ст. 381 ГК Беларуси), при невозможности исполнения обязательств (ст. 386 ГК Беларуси), при принятии акта государственным органом (п. 1 ст. 387 ГК Беларуси) и др.

При прекращении обязательств может быть и так, что целью прекращения обязательства является замена одного обязательства другим. Таким образом, прекращение обязательств может само *выполнять функцию юридического факта*. Так, обязательство передать индивидуально-определенную вещь может быть преобразовано в обязательство передать другую вещь, что возможно при новации (ст. 384 ГК). Прекращение одного обязательства в данном случае *является одним из элементов юридического состава для возникновения другого обязательства между теми же сторонами*.

Прекращение обязательств – это такой же *юридический факт, как и заключение договора или иное действие, (бездействие)*, порождающее, изменяющее и прекращающее гражданские правоотношения, включая все виды обязательств и квазиобязательств.

Прекращение обязательств является разновидностью прекращения гражданских правоотношений. Но *прекращение гражданских правоотношений – более широкое понятие*, поскольку включает еще прекращение абсолютных правоотношений. Кроме того, относительные правоотношения также сохраняются между его субъектами, хотя предмет и способ исполнения обязательства

меняется на новый предмет и способ в силу новации, которая является основанием прекращения обязательств (ст. 384 ГК Беларуси).

Сходными с понятием прекращения обязательств являются понятия расторжения договора, прекращения договора, отказа от договора и др. Но прекращение обязательств нельзя в полном объеме смешивать с указанными понятиями. Так, расторжение договора или отказ одной из сторон от договора в силу специальной нормы законодательства не всегда полностью прекращает обязательства. Например, может сохраниться обязательство по возмещению убытков.

Либо, в силу п. 3 ст. 420 ГК Беларуси допускается односторонний отказ от исполнения договора частично. При этом отказ от исполнения договора полностью или частично *тождествен* понятию полного или частичного прекращения обязательств (п. 1 ст. 379 ГК Беларуси).

В случае существенного изменения обстоятельств в сравнении с теми, которые имели место и разумно не предполагались при заключении договора, допускается расторжение договора. Но в *социальных интересах* расторжение договора может по решению суда заменяться его изменением. Такое изменение не является новацией, а преследует цели соблюдения социальных интересов либо минимизации потерь сторон договора (п. 4 ст. 421 ГК Беларуси).

Некоторые обязательства, например по договору постоянной ренты, являются бессрочными. Но и они могут прекращаться, например, в силу выкупа ренты плательщиком ренты или по требованию получателя ренты (ст. 563, 564 ГК Беларуси).

Классификации оснований прекращения обязательств также не уделено должного внимания в юридической литературе. По обыкновению, они подразделяются на вышеупомянутые виды в главе 26 ГК Беларуси. При этом не решены вопросы соотношения данных оснований с иными основаниями, устанавливаемыми законодательством и договорами. В частности, нет сравнения оснований главы 26 ГК с основаниями прекращения гражданских прав и обязанностей, предусмотренными ст. 7 ГК Беларуси.

Так, согласно п. 1 ст. 378 ГК Беларуси основаниями прекращения обязательств являются только те, которые предусмотрены ГК и иным законодательством, а также договорами. Иными словами, перечень таких оснований либо предусмотрен законодательными актами, либо определяется индивидуальными договорами. А вот согласно ст. 7 ГК Беларуси основаниями прекращения гражданских прав и обязанностей могут быть односторонние действия и сделки граждан. Но общие положения обязательственного права, в частности указанная ст. 378 ГК Беларуси, сделки и иные односторонние действия граждан

не упоминает в качестве оснований прекращения обязательств. Хотя выше было показано, что договорное право предусматривает возможность одностороннего отказа от договоров и одностороннего расторжения договоров. Из данной несогласованности норм ст. 7 и ст. 378 ГК Беларуси вытекает несовместимость терминов прекращения обязательств и одностороннего отказа от договора. Однако такое толкование норм ГК противоречит фактически складывающимся правоотношениям, тем более что такие основания прекращения обязательств, как прощение долга, зачет встречных требований, есть односторонние действия субъекта обязательственного правоотношения. Иными словами, исходя из существа оснований прекращения обязательств, вытекает объективность названных односторонних действий по прекращению обязательств, которые не предусмотрены договором и не названы таковыми в законодательстве. Для устранения данной несогласованности надо дополнить ст. 378 ГК Беларуси указаниями, что обязательства могут прекращаться и в силу односторонних действий субъектов обязательств, вытекающих из существа обязательств.

Таким образом, согласно ст. 7 ГК Беларуси перечень видов юридических фактов, служащих основаниями прекращения обязательств, существенно расширяется. К таковым надо причислять и события, и поступки, и состояния, и др. Соответственно, классификация оснований прекращения обязательств осуществляется по правилам, аналогичным классификации юридических фактов.

В вопросе соотношения оснований прекращения обязательств, согласно ст. 7 ГК Беларуси и главе 26 ГК Беларуси, надо исходить из того, что основания, предусмотренные ст. 7, носят общегражданский характер, а основания, определенные гл. 26 ГК, также носят общий, но институциональный обязательственный характер. А значит, основания ст. 7 будут применяться субсидиарно к основаниям гл. 26. В свою очередь, основания гл. 26 будут применяться субсидиарно к основаниям, предусматриваемым специальным законодательством и договорами, а также иными односторонними действиями.

В рамках института сделок классификация оснований прекращения обязательств будет производиться по основаниям классификации сделок. Во-первых, как показано выше, основания прекращения обязательств подразделяются на односторонние и двусторонние. Кроме того, они подразделяются на реальные (зачет встречных требований) и консенсуальные (новация).

Административный акт как основание прекращения обязательств предусмотрен как п. 2 ч. 2 п. 1 ст. 7 ГК, так и ст. 387 ГК, и сомнений

в общности указанных норм не возникает. А значит, здесь возможна унификация ГК и универсальное применение данного основания. С точки зрения юридической техники соответствующие указания можно было бы сделать в ст. 7 ГК, сократив текст ст. 387 ГК.

Специальные основания прекращения обязательств надо подразделять на особые основания прекращения договорных обязательств и основания прекращения внедоговорных обязательств.

В рамках института договоров существуют свои *основания родового* типа (общие) о расторжении договоров и *специальные (видовые)* основания расторжении отдельных видов договоров.

С точки зрения *источника правового основания* прекращения обязательств они могут подразделяться на основания прекращения обязательств по соглашению сторон; основания прекращения обязательств в силу закона; основания прекращения обязательств в силу решений судов и иных государственных органов. По решению суда могут прекращаться обязательства при принятии судебного решения о ликвидации юридического лица (ст. 389 ГК) и др.

По условиям процедуры прекращения обязательств соответствующие основания определяются по решению суда, по усмотрению субъектов обязательств.

Основания прекращения обязательств, избираемые субъектами правоотношений, могут *различаться на виды в зависимости от мотивов* этих лиц. Поэтому выделяются основания, требующие объективных причин (каузальные); безмотивные, применяемые в фидуциарных обязательствах. *Каузальные* основания прекращения обязательств могут быть связаны с неисправностью должника, с наличием уважительных причин у кредитора и др.

По поводу особенностей отдельных оснований прекращения обязательств также нет достаточного единообразия и последовательности в доктрине и правоприменении, что не способствует стабильности гражданского оборота и законности соответствующих правоотношений. Так, исполнение обязательств как основание прекращения обязательств есть не только индивидуально обособленный акт, но и универсальное основание прекращения обязательств, сущностная составляющая многих других оснований прекращения обязательств, направленная на завершение обязательств с минимальными потерями для их участников, третьих лиц и всего общества. Таким образом, данное основание прекращения обязательств выполняет не только свои узкие функции, но и функции других оснований прекращения обязательств.

Отступное – это вид соглашения о замене предмета исполнения, которое совершается с целью прекращения имеющегося между

данными сторонами обязательства исполнением в иной форме, чем это было предусмотрено первоначально. Как вид сделки она носит реальный характер. Соглашение об отступном может совершаться как относительно основных, так и акцессорных обязательств.

Отступное как основание прекращения обязательств также отличается континуальной, длящейся природой. Когда прекращение имевшегося обязательства касается только предмета исполнения, сохраняется ранее возникшая правовая связь в остальной части правоотношения. В таких случаях соглашение об отступном включает в себя условия о размере, сроках и порядке предоставления отступного. Кроме того, из заменяемого обязательства переходят в состав отступного условия о распределении рисков акцессорные обязательства о неустойке, если стороны не отказались от них, и др.

Соглашение об отступном является такой правовой мерой, которая предпринимается для минимизации потерь, которые могут возникнуть у субъектов обязательств при наличии проблем с исполнением.

Минимизация потерь достигается заменой предмета исполнения имеющегося обязательства другим предметом, представляющим интерес для кредитора обязательства и будучи приемлемым для должника. Замена предмета исполнения *делает отступное схожим с новацией*, в чем проявляется многофункциональность данного основания. А замена еще и способа исполнения делает отступное новацией, что указывает на континуальную, непрерывно длящуюся природу данных оснований прекращения обязательств.

Полная эквивалентность заменяемого предмета исполнения при отступном может не соблюдаться. Например, кредитор может согласиться получить удовлетворение части своих притязаний. В этом случае отступное приобретает признаки *прощения долга либо отступное трансформируется в прощение долга* путем достижения соглашения сторонами. Здесь также налицо проявляется *длящаяся природа отступного*.

Соглашение об отступном совершается как в процессе исполнения обязательства, так и после истечения срока его исполнения. В том случае когда в процессе судебного рассмотрения спора стороны заключают мировое соглашение, в котором оговаривают условия замены предмета исполнения, мировое соглашение должно соответствовать не только нормам материального, но и процессуального гражданского права. В таких случаях проявляется неразрывная (континуальная) связь материально-правовой и процессуально-правовой природы института прекращения обязательств.

Кроме того, отступное, как и ряд иных оснований прекращения обязательств, выполняет функции юридического факта, обязательственного правоотношения, цели и предмета обязательства.

По смыслу ст. 380 ГК Беларуси заменимое предоставление, используемое для замены предмета первоначального обязательства, избирается субъектами обязательственного правоотношения на основе принципа свободы договоров. Но выбор предмета для замены ограничивается не только правилами о допустимости участия того или иного объекта в гражданском обороте, но и иными императивами. Так, должны учитываться права и законные интересы третьих лиц и всего общества, существо обязательств, иные принципы гражданского права. Предметом замены может быть не только любое имущество, но и иные объекты гражданских правоотношений, включая работы, услуги и иные блага, за исключением тех, которые не могут быть объектами эквивалентного гражданского оборота. Так, в личных обязательствах возможности для замены предмета исполнения ограничены. Например, нельзя алиментные обязательства заменить передачей вещей. В связи с этим сделки между бывшими супругами о замене алиментных обязательств, исполняемых в денежной форме, на передачу квартиры в счет денежной суммы, подлежащей выплате в будущем, недействительны. Но нет препятствий для возмещения алиментной задолженности вещами в силу соглашения сторон или в рамках мирового соглашения в суде. Такое свойство отступного указывает на неразрывную взаимосвязь гражданско-правовой и семейно-правовой его сущности. Это тем более должно быть понятно, если вспомнить о единой частноправовой природе гражданского и семейного права, сходстве их предмета и метода.

Содержание отступного как договора должно соответствовать требованиям о существенных условиях возникающего по отступному нового обязательства. Условие отступного о его наименовании и количестве будет *существенным условием*. Поэтому соглашение о размере отступного должно быть определенным под угрозой того, что соглашение будет считаться несостоявшимся. Условия отступного о сроках и порядке его исполнения не относятся к числу существенных условий договора, если из существа соответствующего договора не вытекает иного. Их отсутствие или неясность могут восполняться толкованием содержания первоначального и вновь возникшего обязательства применительно к конкретным обстоятельствам их исполнения.

Новация, как уже сказано, является наиболее схожим с отступным основанием прекращения обязательств. Ограничения возможности

применения новации определяются нормами законодательства. Так, согласно п. 2 ст. 384 ГК Беларуси новация не допускается в отношении обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, по уплате алиментов. Но, учитывая схожесть новации и отступного, данный запрет может применяться к новации с учетом вышеизложенного об отступном.

Правовая природа прощения долга также не определена должным образом в доктрине, правоприменении и законодательстве. Распространенным является представление, что прощение долга охватывается понятием «дарения» или близко к дарению. Однако прощение долга никак не связано с дарением. Отличие прощения долга от дарения носит сущностный характер и состоит в следующем: во-первых, дарение осуществляется лицу, которое никакого встречного обязательства перед дарителем не имеет. Дарение – безвозмездная сделка. Иначе дарение будет рассматриваться как купля-продажа и иная возмездная сделка. А прощение долга имеет место, когда исполнение эквивалентного обязательства должником является тщетным для кредитора.

Во-вторых, тщетность ожидания исполнения обязательства должником означает, что всякая деятельность кредитора по получению исполнения обязательства должником влечет лишь дополнительные убытки для кредитора. Ему с экономической точки зрения дешевле простить долг, чем изыскивать его у должника.

В-третьих, дарение осуществляется как акт материального и иного вознаграждения одаряемого. Из этого следует доверительный и иной личностный характер отношений между дарителем и одаряемым. При прощении долга таких доверительных и иных личных отношений не может быть. Ибо их присутствие может свидетельствовать лишь о незаконности прощения долга.

Право на прощение долга является также разновидностью *отказа от прав*. Поэтому не всякий отказ от прав допустим, учитывая интересы самого кредитора, а также иных третьих лиц и общества. Так, недействительными будут сделки одного из супругов по самовольному дарению совместно нажитого имущества третьим лицам (п. 2 ст. 547 ГК Беларуси) и др.

В коммерческой деятельности имеют место факты незаконного прощения долга в целях сокрытия доходов, а также в ущерб интересам третьих лиц, государства. Для предупреждения таких правонарушений установлены ограничения на прощение долга. Ограничения установлены нормами о целевом характере деятельности коммерческих организаций по извлечению прибыли, ее распределению между

участниками юридического лица (п. 1 ст. 46 ГК Беларуси), о недопустимости дарения между коммерческими организациями (пп. 4 ч. 1 ст. 546 ГК Беларуси), о презумпции возмездного характера договоров (пункты 1 и 3 ст. 393 ГК Беларуси), а также нормами налогового законодательства, законодательства о банкротстве и др.

Заключение

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы. Прекращение обязательств должно осуществляться с условием неперемного учета прав и законных интересов третьих лиц и всего общества. В этом, прежде всего, проявляется социальный функционализм института прекращения обязательств.

Абсолютизация индивидуализма, исключая допустимость применения универсальных методологических подходов к институту прекращения обязательств, а равно абсолютизация правового универсализма, исключая допустимость применения индивидуальных подходов к институту прекращения обязательств, неестественны и непригодны для права. Единство и неразрывная связь индивидуализма и универсализма в их абсолютном и относительном проявлении в одно и то же время, но в различных измерениях при определении института прекращения обязательств охватываются комплексно-индивидуальной правовой методологией.

Основания прекращения обязательств имеют континуальную, непрерывно длящуюся материально-правовую природу. Это проявляется в трансформации оснований прекращения обязательств из одного в другое, длящейся процедуре прекращения обязательств, переходе прав и обязанностей по обязательствам к третьим лицам, а также влиянии прекращения обязательств на права и законные интересы третьих лиц и всего общества как в национальном, так и в планетарном масштабе. А в тех случаях, когда основания прекращения обязательств применяются в силу мирового соглашения в рамках судебного процесса, их взаимная трансформация и континуальная природа имеет неразрывно связанный материально-правовой и процессуально-правовой характер. Гражданско-правовые основания прекращения обязательств могут применяться и в других отраслях частного права, с учетом их существа и других правовых обстоятельств.

Синонимами слов «индивидуальный», «обособленный», «субъективный» с точки зрения общенаучной методологии являются термины «дискретность», «сингулярность», «уникальность» и иная обособленность. Синонимами слов «непрерывный» и «неразрывно связанный» с точки зрения общенаучной методологии являются

термины «континуальный», «комплексный», «универсальный», «единый», «общий», «многофункциональный», «бесконечный» и др.

В целях унификации и совершенствования ГК Беларуси в части регулирования оснований прекращения обязательств следует изменить редакцию ст. 378 ГК и др.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2001. – Т. 1. – 632 с.

2. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. проф. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000. – Ч. 1. – 976 с.

3. Витушко, В. А. Юридический континуум как типовая модель гражданского правоотношения / В. А. Витушко // Современные проблемы права, экономики и управления. Электронный журнал. – Тула. – 2018. – № 1 (6). – С. 18–27.

4. Витушко, В. А. Общенаучная методология в цивилистике / В. А. Витушко // Журнал российского права. – 2000. – № 3. – С. 54–61.

5. Витушко, В. А. Комплексно-индивидуальный метод в гражданском праве и правоприменительной практике / В. А. Витушко // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 15–27.

6. Витушко, В. А. Континуальная теория гражданского права / В. А. Витушко // Актуальные проблемы гражданского права / МИТСО. – 2018. – № 1 (11). – С. 29–61.